

*И. В. Утехин*

## **ОБ АНЕКДОТАХ И ЧУВСТВЕ ЮМОРА У ДЕТЕЙ**

Умелое рассказывание хороших анекдотов к месту — искусство, которое высоко ценится в нашем обществе. Анекдот как жанр устного народного творчества не смогла убить даже начавшаяся со времен перестройки повсеместная публикация анекдотов в массовых изданиях. Есть, впрочем, один разряд анекдотов, которые никогда не публиковались, — может быть, за исключением специальных работ по детскому фольклору: анекдоты, которые рассказывают друг другу дети<sup>1</sup>. Будучи интересны только детям, эти анекдоты застрахованы от разрушительного воздействия печатного слова.

Подобно другим взрослым формам поведения, дети осваивают рассказывание анекдотов, подражая взрослым и друг другу (= более взрослому другу), чтобы однажды вполне овладеть искусством если не рассказывать смешно для окружающих, то хотя бы смеяться, когда смешно, — как смеются взрослые над тем, что им смешно. А так как взрослые проблемы и взрослые мыслительные ходы и каламбуры разной степени изящества детям чужды и непонятны, то в общем им чуждо и непонятно то, что смешит взрослых; взрослым же то, над чем смеются дети, часто представляется просто глупым. Вот эта-то «глупость» как раз и интересна: она по-своему логична и закономерна. В какой-то момент она начинает чувствоваться самими детьми, которые примерно со среднего школьного возраста среди всех анекдотов выделяют так называемые «детские»: они все равно смешные, но взрослеющий ребенок пробует дистанцироваться от их характерной детской «глупости».

Наблюдения над тем, как и что рассказывают дети друг другу ради смеха, дают пищу для размышлений, во-первых, о специфике детского юмора и, во-вторых, о процессе освоения детьми смешного<sup>2</sup>. Особенно показательны в этом отношении разновозрастные компании, где можно встретить разные варианты одних и тех же текстов и возрастные различия в их понимании.

Приведем пример из полевых материалов. Арсений, 9 лет, рассказывает Жене, 6 лет, следующее:

/1/ Псих пишет письмо домой из сумасшедшего дома: «Живем мы здесь хорошо. Недавно нам построили бассейн. Мы прыгаем в него с вышки. Говорят, что если мы будем себя хорошо вести, то в него и воду нальют». (Смеется.)

**Женя** (озадаченно): А зачем воду нальют?.. А-а, чтобы они утонули, да? (Смеется.)

**Арсений** (смеется): Ну, ты не понимаешь, они же без воды прыгали!

**Женя**: Давай лучше я тебе расскажу... /2/ Едут на машине мальчик маленький с папой. Мальчик спрашивает: «Папа, на чем мы едем?» — «На машине». А мальчику послышалось «на сосиске». Потом машина врезалась в другую, а мальчик спрашивает: «Папа, а во что мы врезались?» — «В другую машину». А мальчику послышалось «в салат». Подходит милиционер. Мальчик спрашивает: «Папа, а кто это?» — «Это милиционер». А мальчику послышалось «милисискин». Он и говорит милиционеру: «Дядя милисискин, отпустите нас, пожалуйста!» (Женя смеется.)

**Арсений**: Я этот знаю.

Известные из других источников более полные версии этих текстов включают в себя некоторые дополнительные особенности: /1/ последняя фраза письма: «Нам сказали, что, когда мы научимся нырять, нам и воду нальют»; /2/ мальчик говорит милиционеру: «Товарищ милисискин, / Шофер не виноват. / Мы ехали в сосиске / И врезались в салат».

Такого рода расхождения между версиями (редукция текста, приводящая к нарушению его связности, если сокращение смысловых звеньев касается значимых деталей) чрезвычайно показательны. Рассказчику его анекдот кажется смешным и достаточным, он его так понимает и так помнит. Даже если он от кого-то слышал все подробности, они кажутся рассказчику несущественными, не запоминаются им и не воспроизводятся. Между тем в приведенном примере /2/ соль анекдота состоит именно в опущенной фразе, из которой шестилетняя девочка оставляет только одну четверть — комично-хулиганское в своем созвучии с сиськой обращение к милиционеру<sup>3</sup>, а изложенная перед тем подготовительная история с сосиской и салатом (ср., кстати, выражение «покрошить в мелкий винегрет») повисает в воздухе.

Девятилетний мальчик в примере /1/ опускает малозначительную деталь, которая более старшему показалась бы хотя и второстепенной, но нужной для нагнетания атмосферы абсурда, сопровождающей сюжеты текстов про психушку, — рассказчику же достаточно меньшего, достаточно количественно меньшей сложности абсурда, ему и так смешно. Кстати говоря, пример /1/ представляет собой реализацию одной из моделей абсурда («Имеется А, у которого отсутствует его существенный признак, так что это вовсе и не А»), которая сама по себе не имеет ничего специфически детского и встречается и во взрослых анекдотах и окказиональных шутках (ср. «почти взрослый» анекдот про концлагерь: «Сегодня на обед чай». — «А с сахаром?» — «Тебе что, может, еще и заварки подлить?»). Поэтому юная слушательница и не справляется с качественной сложностью ситуации, описываемой в анекдоте, и примысливает себе свое соб-

ственное смешное (см. ее реплику о том, что воду нальют, чтобы психов утопить)<sup>4</sup>.

Но вернемся к структурной редукции текстов. Ее причиной может быть не только неполное понимание и соответствующий пропуск элементов сюжета, но и особенности памяти рассказчика: он может помнить суть анекдота, но быть не в состоянии дословно воспроизвести текст. В предельном случае это подобно тому, как поручик Ржевский рассказывает каламбуры<sup>5</sup>, когда соль, если она состоит в изяществе словесного оформления, теряется (ср. в приложении текст /п1/ и его вариант, записанный от пятилетнего ребенка).

С некоторой степенью условности к анекдотам (в частности, к детским) можно применить имеющееся в классической риторике различение фигур мысли и фигур речи: фигура мысли не исчезает при замене слов на синонимичные выражения, фигура же речи при этом разрушается. Некоторые анекдоты явно тяготеют к каламбуру, и здесь разрушительные вариации свидетельствуют, что рассказывающий не вполне понимает, над чем смеется. Этим иллюстрируется и тот замечательный (в явном виде сформулированный Л. С. Выготским) факт, что форма деятельности первична по отношению к пониманию ее смысла. Смысл приходит извне, из совместной деятельности, из смеха «за компанию», перерастающего однажды в смех собственно над анекдотом.

В «некаламбурных» анекдотах распад связности текста из-за недословного запоминания («помню что, но не помню как») показывает живучесть той крупницы соли, вокруг которой организован текст, — собственно того, что является критерием тождества анекдота во всех его версиях. Вот рассказ восьмилетней девочки Сони, где исходная сюжетная линия заменена:

*Отправляются Гена с Чебурашкой в поход. Собирают лепешки. А происходит это на третьем этаже дома, в котором они готовятся. И... человек... то есть не человек, а Чебурашка... случайно скидывает Гену с третьего этажа. И вдруг он его спрашивает: «Гена, а Гена, какую мне лепешку брать? Желтенькую или зелененькую складывать?»*

Общепринятая версия этого анекдота выглядит иначе, примерно так (сохранена орфография и пунктуация источника):

*/3/ Гена и Чебурашка бегут по улице, увидели лепешку. Чебурашка кричит «Ген это моя лепешка, я ее увидел!» А Гена в ответ: «Нет, моя я ее первый взял» «Ген, давай так: вон там небоскреб 100 этажный. Заберемся на его верх и ты прыгнеш с крыши а я побегу по лестнице кто первый придет того и лепешка!» Чебурашка бежит, запыхается прибежал кричит: «Ген, где ты? Какую мне лепешку брать желтую или зеленую?»*

Версия девочки сочинена ею непосредственно по ходу рассказа, откуда и возникают противоречивые детали, на которые автор не обращает внимания, стремясь хоть как-то добраться до единственно запомнив-

шегося ей финала с двумя лепешками, на что один из слушателей замечает, что Чебурашка не смог бы увидеть сразу две лепешки<sup>6</sup>.

Таким образом, с точки зрения понимающего слушателя, сокращения и замены сказываются на полноценности анекдота, если нарушают связность текста или затрагивают его цельность. Последнее существенно потому, что именно цельность, определяемая общей направленностью текста на закономерный финал, является основанием всех перифрастических трансформаций, порождающих синонимичные варианты одного анекдота. В отличие от взрослых, которым скучно слушать знакомый анекдот, дети с удовольствием заново смеются над анекдотом, который много раз уже слышали. Тем более заметна их реакция на несмешные версии знакомых анекдотов, где затронута что-то жизненно важное для полноценного функционирования текста (это может быть, например, обидный для рассказчика вопрос: «После какого слова смеяться?»).

В отличие от сокращений и замен элементов, развертывание текста путем добавления туда авторских подробностей, казалось бы, более безобидно и в принципе может повышать занимательность рассказа. Но, как правило, авторские дополнения все же контрастируют с занимательностью невыдуманной развязки анекдота и смазывают ее, особенно если находятся вне «точек роста» — тех зон, где произвол рассказчика допустим и возможно развертывание текста по тем или иным параметрам (вплоть до присоединения еще одного сюжета со своей солью, ср. /П4/). Очевидно, ограничивает развертывание и некое интуитивное представление о правильном для данного жанра, в целом довольно лаконичного, соотношении количества слов и количества смысла.

Нам интересны как раз такие «неправильные» дополнения рассказчика, которые портят изящество текста. Рассмотрим пример (подчеркнуты элементы, стоящие в позициях, допускающих авторский произвол; избыточные элементы вне «точек роста» выделены жирным шрифтом):

*/4/ Говорит король: «Кто пройдет через заколдованный лес, тому дам мою дочь, два мешка золота и полцарства». Немец бежит, бежит, бежит, видит — сокол летит [и говорит]: «Хочешь дам мудрый совет, чужестранец?» — «Отстань!» Идет, видит поле мертвецов, которые встали, — сразу же смылся. С поляком то же самое. Русский идет. «Хочешь дам мудрый совет?» — «Давай». — «Когда увидишь нечистую силу, спрашивай: “Чего тебе надо, нечистая сила?” Видит поле мертвецов и спрашивает: «Чего тебе надо, нечистая сила?» Все сразу исчезли. Видит поле, а там осьминоги кровавые. Его кровью окутало, вот-вот задушат чьи-то невидимые руки. «Чего тебе надо, нечистая сила?» Все сразу исчезло. Видит, из кустов тянется белая-белая рука — видно, кто-то очень слабый умер. «Чего тебе надо, нечистая сила?» — «Бума-а-ажки! **Я здесь уже два года сижу!**»*

Опрос информантов показал, что многие, особенно младшие из них, не знают, зачем обладателю белой руки бумажка, — такой вопрос ставил их в тупик. Чтобы анекдот оказался смешным, не нужно знать,

зачем бумажка. Но еще любопытнее, что разъяснение, зачем все-таки бумажка сидящему в кустах, прибавляет анекдоту комичности только для самых старших из тех, кто не догадывался о ее назначении. Младшие же воспринимают эту информацию серьезно, но не могут связать ее с общим смыслом текста как он ими реконструируется — и не смеются запоздало, как жираф, до которого дошло<sup>7</sup>.

В освоении смысла (переходе от смеха «за компанию» к смеху собственно над анекдотом) возможно усмотреть следующие ступени: не понимает и объяснять бесполезно; не понимает, но можно объяснить; понимает вполне. Рассказчик анекдота /4/, кстати говоря, относился ко второй категории («не понимает, но можно объяснить»). Несмотря на то что цитируемая версия записана уже после объяснений про бумажку, он все равно приводит выдуманные подробности о руке и добавляет последнюю фразу — избыточную для находящихся на стадии полного понимания! — которая прибавляет комизма только с точки зрения не постигшего назначение бумажки (соли анекдота). Эти добавления, рефлексy предыдущей стадии, когда смеялся «не над тем» и рассказывал соответственно, прибавлены по привычке, чтобы сделать смешнее. Характерно, что для таких довесков чаще всего используются неизменно вызывающие у детей смех гиперболы — вероятно, самый примитивный источник смешного (ср., например, /П2/ и выделенные элементы в /П16/ и его варианте).

На следующей стадии, когда смысл будет не просто понят, но почувствован и самоочевиден, такие «лишние» элементы должны отпасть. Можно предположить, что благодаря этому эффекту самовосстановления текста, искаженного версиями непонимающих рассказчиков, продолжает существовать более или менее распространенный основной вариант вопреки широкому обмену версиями «некачественными», так что бытование авторских подробностей не влияет на жизнь анекдота в целом. Если же вносимые изменения убедительны и не затрагивают целостности текста, появляются равноправные варианты<sup>8</sup> (часто просто воспроизводящие исходную ситуацию в более актуальном для современных носителей антураже, с другими персонажами; ср. как сегодняшний ребенок рассказывает издавна известный анекдот в варианте /П13/).

Не останавливаясь пока на истоках детского анекдота, в принципе выводимых из приемов его построения и набора персонажей<sup>9</sup>, обратимся к вопросу о его функциях. Хотелось бы сразу отграничить область нашего интереса от внешних по отношению к собственно содержанию текстов предметов вроде рассказывания анекдотов как формы общения и значения вытекающих отсюда функций<sup>10</sup>. Наши вопросы сводятся к следующему: зачем вообще понимать содержание анекдотов (почему недостаточно смеха «за компанию»)? Почему это содержание именно таково? Как связано содержание детских анекдотов и развитие его понимания с развитием остроумия вообще? Имеет ли по-

нимание анекдотов и умение их рассказывать какие-то следствия для психологии ребенка помимо повышения его коммуникативной компетенции в кругу сверстников?

Еще один вопрос, который мы не рассчитываем обсудить здесь, но который мы постоянно имеем в виду, можно было бы сформулировать так: если считать, что известны функции и особенности семантической структуры взрослого анекдота<sup>11</sup>, то как они соотносятся с теми же параметрами анекдота детского? Предварительно заметим, что, как нам представляется, в детских анекдотах большинство приемов взрослого смешного можно встретить в изолированном и утрированном виде, тогда как предмет остроумия и его функции отличаются. Чтобы как-то проверить это утверждение, потребуется разработать аппарат представления структуры анекдота и вычленив приемы и элементы, которые можно сравнивать между собой. Этому планируется посвятить вторую часть работы.

Вообще «смеяться над чем-то» — культурная форма поведения, которая нуждается в освоении через овладение регламентациями: над чем, когда и как смеяться нужно, можно и нельзя. Детские анекдоты служат испытательным полигоном этой формы поведения, когда в игре (а игрой является равно и воображение излагаемого в тексте, и само рассказывание текста) отрабатывается способность смеяться над другими людьми, над жизненной ситуацией, над самим собой. Едва ли возможно поставить под сомнение важность способности увидеть что-то в смешном свете, которая в конденсированном виде проявляется именно в понимании анекдота и которой нет в «смехе за компанию». Видение смешного предполагает, во-первых, своеобразное дистанцирование от ситуации и, во-вторых, сдвиг рамки обычного контекста восприятия, превращающий участника жизненной ситуации в персонажа «случая», истории<sup>12</sup>.

Обязательным элементом такого видения ситуации является ее оценка как противоречащей норме, и уже одного этого противоречия, доведенного до крайности преувеличения, бывает достаточно для смеха ребенка (отсюда описанная К. Чуковским тяга детей к «перевертышам»). Чтобы противоречие чьего-то поведения норме стало нарочитым, нужно поставить это поведение в позицию нормального хода вещей: персонаж должен наивно делать глупость, а мы должны распознать эту глупость и смеяться над его несведущей наивностью с нашей ненаивной колокольни. Как отмечал З. Фрейд, упомянутый в сноске, «наивное аналогично остроте по тексту и содержанию» (Фрейд 1991: 354). Обильный материал, иллюстрирующий этот тезис, можно найти у Корнея Чуковского в «От двух до пяти», где многие наблюдения над речью и поведением детей сопоставимы по форме с моделями, встречающимися в анекдотах (равно детских и взрослых). К примеру, случай, когда четырехлетняя девочка, которой во время причесывания говорили «Терпи, казак, атаманом будешь», причесывает куклу и приговаривает: «Терпи, коза, а то мамой будешь!» (Чуковский 1983: 20). Услышанная девочкой фраза — забавен

уже и сам факт переиначивания — оказывается для взрослых двусмысленной и содержащей намек, который для девочки недоступен, и взрослые смеются и над этой удачной фразой, и над девочкой.

Таким образом, видение некоторой ситуации как смешной, когда она не сводится к элементарным случаям механизации жизни, по Бергсону, или к наглядному перевертышу, а, наоборот, находится в позиции нормального хода вещей и действия персонажа по-своему последовательны в воспроизведении неподходящей формы поведения, требует представления наивной точки зрения персонажа. Это же касается и понимания анекдота. Между тем представление чужой точки зрения для ребенка — большая проблема, которая постепенно и, возможно, не до конца разрешается по мере преодоления детского эгоцентризма, основной, согласно Жану Пиаже, черты мышления ребенка. Самое начало этого долгого пути замечательно изображено у Чуковского. Так, один двухлетний мальчик говорит угрожающе, если его обидят: «Сейчас темно сделаю!» И закрывает глаза, «убежденный, что благодаря этому весь мир погрузится во тьму» (Чуковский 1983: 81).

Наивность точки зрения, которую требуется представить, — огромное подспорье: наивная точка зрения проще, уже, чем твоя собственная или любая другая равноценная. Наивна точка зрения дурака, а ты преодолел ее наивность. Именно поэтому смехом можно прощаться и со своим собственным теперь уже наивным прошлым — умение, полезное для того, кто нередко оказывается в позиции наивного (с точки зрения умудренных окружающих).

Окказиональное остроумие ребенка, проявляющееся в играх и общении со сверстниками, широко использует преувеличения, перевертыши, примитивную механизацию живого, но поначалу не знает техники двусмысленного намека взрослой остроты. Тем не менее игра двусмысленностью действия (и слова) лежит в основе шутки как формы поведения, где реализуется схема «провокация — бурная реакция на нее — “Я пошутил!”» Так можно играть со сверстниками, и не обязательно словами. Так можно играть и со взрослыми, проверяя их реакцию на провокацию. Ср. шестилетняя девочка говорит родственникам: «Как вы мне все надоели!» (Пауза.) «Шутка!» (Смеется.) Взрослое чувство юмора отличается от детского отточенной мерой, предметом и формой провокации. Поэтому детские попытки шутить со взрослыми часто вызывают у взрослых недоумение, разрешающееся смехом над глупостью, а не над остротой (см. рефлексия над этой ситуацией в анекдоте /ПЗ/).

На более продвинутом этапе развертывания взрослого остроумия из провокации понарошку, прикрывающейся наивностью, шутка оказывается привязана к контексту. Так, например, в присутствии матери семилетний мальчик говорит женщине, при нем пожаловавшейся на иногда случающиеся у нее боли в животе: «У вас, наверное, глисты». При этом, как и девочка в предыдущем примере, он говорит не

вполне всерьез (то есть разотождествляясь с собственным поведением) и понимает, что произносит нечто не совсем уместное, затрагивая не подлежащие открытому обсуждению сферы, но произносит это «к месту» и ждет комического эффекта.

Окказиональное вербальное остроумие как форма деятельности в целом сложнее понимания анекдота, где комичное уже содержится в готовом виде. Готовый же материал для обучения «смеху над чем-то» показывает, какие ситуации уже подверглись обработке юмором, так как они нуждались в смехе для их преодоления. В анекдотах ребенок обращается к знакомому и актуальному содержанию, в символической форме воплощающему насущные психологические проблемы освоения культурных норм и запретов<sup>13</sup>. Так, скажем, содержание многих текстов представляет в комичном свете отношения с властью, силой, хранителями норм. Крокодил Гена похож на папу, а психушка на пионерский лагерь. Сами нормы и требования абсурдны, поэтому можно смеяться над ними и над их «полномочными представителями».

В одном сравнительно редком разряде текстов, где предмет тревоги описывается непосредственно (что до некоторой степени идет наперекор анекдотичности), психотерапевтическая функция выступает на первый план. Таковы модификации страшных историй, которые превращаются в анекдоты; ср.: у Э. Успенского история про преследующий девочку гробик на колесиках приводится с таким окончанием: «...девочка рассердилась и пнула гроб. Из гроба выбежала Баба Яга и закричала: “Последнюю коляску сломали!”» (Успенский 1992: 277). Нам известны из устных источников варианты: «Опять последний гроб сломали!» и «Последние “Жигули” разбили!». Этот прием используется в целом ряде анекдотов: персонажи слышат пугающие звуки и угрозы, но появляется смельчак, обнаруживающий, что речь идет о чем-то безобидном, вроде пьяницы, с жуткими ругательствами преследующего муху (ср. также выше анекдот /4/). Само «страшное» содержание здесь подается уже в смешном виде, поэтому, в отличие от страшных историй, пугается не слушатель, а наивный персонаж. Здесь мы видим воочию работу механизма, который передает символически изображенное и осмеиваемое от пользователей анекдота (рассказчика и слушателя) его герою.

Особая категория анекдотов относится к игровому освоению естественных отпавлений и эротики (см. /П6/, /П14/, /П16/, /П17/) и служит формированию гротескного образа тела, который вполне разворачивается во взрослых анекдотах<sup>14</sup>. В силу табуированности этой тематики — а здесь провокационный заряд иногда перевешивает игровой характер провокации — сбор материала затруднен, поэтому в нашем распоряжении не оказалось свежих образцов анекдотов сразу нескольких разрядов, широко распространенных еще в начале 1970-х годов, например использующих составные фразы с неприличными словами (скажем, из имен собачек вроде Оба, Сруся, Уза и Бора; вообще, само произнесе-



ние «невзначай» табуированного слова может быть солью анекдота) или представляющих собой сказочное повествование, где изображается половой акт (части тела обозначены, например, так: живот — «поле боя», груди — «колокола», пенис — «острый ножик» или «морковка», вульва — «пещера Алалá»); в конце принцесса заявляет выдержавшему испытание — отгадавшему, как следует части тела называть, — что-нибудь вроде: *«Ложись на поле боя, / Звони в колокола / И суй свой острый ножик / В пещеру Алалá»*). Тексты последнего типа были распространены среди девочек, начиная с подготовительной группы детского сада. Не исключено, что культурные сдвиги последнего времени привели к сужению сферы распространения собственно детского эротического фольклора.

В целом, однако, разнообразные влияния на детский анекдот<sup>15</sup>, в том числе и взаимопроникновение детского и взрослого анекдота, не разрушают жанра, не затрагивают его ядра — группы устойчивых сюжетов, передающихся из поколения в поколение. Происходит это, в частности, потому, что воспринять можно только то, что тебе понятно и созвучно, да и то преобразовав это по собственным законам. Что и делает детский анекдот.

Относительно некоторых текстов возникает вопрос, к каким анекдотам — взрослым или детским — их отнести. Критерии, которыми мы пользовались до сих пор, субъективны и неформальны: учитывались понятность анекдота и реакция на него, тема, сложность, изящество, глупость и т. д. Оказалось, что среди анекдотов, рассказываемых детьми, есть и взрослые анекдоты (их немного, и они для многих слушателей остаются непонятны), но есть, видимо, и такие, которые могут жить и взрослой, и детской жизнью (см. /П11/, где мотив воровства в контрасте с заявлением «все для страны отдам» выдает взрослый политизированный прототип, абсурдный антураж которого оказался созвучен детским пользователям, не интересующимся политическими аллюзиями). Здесь же стоит упомянуть, что анекдоты, рассказываемые взрослыми, разнятся в зависимости от образования, возраста и социальной группы рассказчика; некоторые из них отличаются от детских исключительно темой.

Как представляется, «детскость» или «взрослость» анекдота определяется скорее степенью «когнитивной сложности» приема, на котором анекдот построен. Для понимания соли анекдота требуется привести этот прием в действие, произвести определенную семантическую операцию, логическая часть которой может быть более или менее сложной (сущность таких операций и их набор будут установлены в ходе работы над семантическим языком представления структуры анекдота). Как раз в связи с этим и имеет смысл рассматривать некоторые анекдоты, записанные от взрослых, в ряду детских по своим формальным (не тематическим) признакам (ср., например, анекдоты, где остроумие строится на завуалированном назывании матерного слова).

Анекдот представляет собой связный повествовательный текст. Повествование в нем сжато, свернуто и особым образом трансформировано, чтобы слушатель увидел излагаемую ситуацию одновременно в двух, как минимум, ракурсах, совмещение которых и вызывает комический эффект. Это касается, по-видимому, даже и таких внешне не имеющих повествовательности типов (взрослых) анекдотов, как «армянское радио», занимающих, впрочем, особое место. Запоминание и рассказывание текста требуют своеобразной «нарративной компетенции» (в какой-то мере она является частью языковой компетенции вообще)<sup>16</sup>. Известно, что дети, как правило, во многих отношениях плохие рассказчики. В ряде приведенных примеров мы встречались с речевыми ошибками стилистического плана, с характерной для детей «бедностью речи». Анекдот, заключающий в себе определенную «норму изящества», одновременно тяготеет к формульности и — в строго определенных местах и пределах — допускает импровизацию и театрализацию. Формульность как бы извне преодолевает «бедность речи», а место для импровизации дает возможность попробовать собственные силы в этом направлении. Реакция слушателей служит поощрением.

Собственно нарративная компетенция предполагает не рабское затверживание формул, а самостоятельный синтез. Можно запоминать слова, а можно запоминать смысл. Запомнить только слова, не понимая смысла, сложно. А не запоминать слов, запомнив только смысл, рискованно: можно оказаться в положении поручика Ржевского с его каламбуром, но это, в сущности, основной способ запоминания, которым мы и пользуемся. Требуется компромисс, учитывающий необходимость следования внутренней логике излагаемых событий, логике жанра и приема, лежащего в основе конкретного текста.

Слушатель анекдота, чтобы уловить эти логики, должен примысливать, додумывать нужный контекст, по отношению к которому текст выступает как картинка из разряда «что бы это значило?». Свернутый и трансформированный нарратив анекдота должен быть мысленно развернут и приведен к осмысленному виду, только тогда осмысленным окажется и его трансформация. Развитие способности к такому мысленному развертыванию и сопоставлению соответствует определенным этапам интеллектуального развития вообще (ср. экспериментальные данные о развитии способности к восприятию метафоры у детей<sup>17</sup>).

Другой аспект становления языковой компетенции, проявляющийся в овладении анекдотами связан, с их ролью источников цитат в речи, наряду с детской литературой и фильмами.

### Приложение

Приводимые тексты, рассказанные детьми младшего школьного и старшего дошкольного возраста, представляют собой избранные

транскрипции магнитофонных записей, сделанных автором в мае 1997 года в Санкт-Петербурге.

/1/ Сидят четыре вороны на дереве. Одна говорит: «У меня есть корова». Вторая говорит: «У меня есть сто рублей». Третья говорит: «А у меня есть часы». Четвертая говорит: «А у меня ничего нету».

На следующий день встречаются четыре вороны. Первая говорит: «У меня украли корову». Вторая говорит: «У меня украли сто рублей». Третья говорит: «У меня украли часы». Четвертая говорит: «Мани-мани-мани, сто рублей в кармане, время полвторого, пора доить корову».

/То же, версия пятилетнего мальчика/:

На дереве сидели две вороны. Одна говорит: «У меня есть будильник». Другая говорит: «У меня есть диван». Третья говорит: «У меня есть дом». Потом встречаются и первая говорит: «У меня нет будильника». Вторая говорит: «У меня нет дивана». Третья прилетает и говорит: «У меня есть дом, и диван, и будильник».

/2/ Едет Гена с Чебурашкой в машине. Чебурашка спрашивает: «Ген, копейка — это много?» — «Отстань!» — «Ген, копейка — это много?» — «Отстань!» — «Ген, копейка — это много?» — «Да».

Выходит Чебурашка из машины, заходит в магазин, дает копейку и говорит: «Дайте мне три тонны апельсинов, две тонны лимонов и пять тонн бананов. Продавец смотрит на него, а Чебурашка говорит: «Че смотришь круглыми глазами, сдачу давай!»

/3/ Чебурашка с Геной идут на день рождения. А тот, к кому они идут, живет на сотом этаже. Поднимаются на один этаж. Чебурашка спрашивает: «Ген, а Ген, можно сказать?» — «Нет, нельзя». Поднимаются на пятидесятый. «Ген, а Ген, можно сказать?» — «Нет, нельзя». Поднимаются на сотый. «Ген, а Ген, можно сказать?» — «Ну, говори». — «Ген, мы подарок забыли».

Спускаются. Дошли до пятидесятого этажа. «Ген, а Ген, можно сказать?» — «Нет, нельзя». Дошли до первого этажа. «Ген, а Ген, можно сказать?» — «Ну, говори». — «Я пошутил».

/4/ Встречаются Гена с Чебурашкой. Чебурашка спрашивает: «Ген, а Ген, а что у тебя в сумке?» — «Апельсины». А Чебурашке послышалось «Лепесины». Приходит он в магазин и спрашивает: «У вас есть лепесины?» — «Нет». На следующий день: «У вас есть лепесины?» — «Нет». Не приходи сюда больше. Еще раз спросишь про лепесины — приколотим тебя к стенке». Пришел на третий день: «У вас гвозди есть?» — «Нет» — «У вас молоток есть?» — «Нет» — «А лепесины у вас есть?» Приколотили его к стенке — это уже продолжение, — а рядом висит портрет Ленина. Чебурашка спрашивает: «Лысый, тебя тоже за лепесины?»

/5/ Приходит в психбольницу человек и слышит — там все кричат: «Семнадцатый! Семнадцатый! Семнадцатый!» По всем этажам прошелся, заходит на крышу — а там кричат: «Семнадцатый! Семнадцатый! Сем-

надцатый!» — Вдруг к нему подходит псих, сбрасывает его с крыши, и все кричат: «Восемнадцатый! Восемнадцатый! Восемнадцатый!»

/6/ Действие происходит в психушке. Психов посадили на унитаз и спрашивают: «Рыбка ловится?» Все кричат: «Ловится, ловится!» А один говорит: «Нет, не ловится». Его отпустили домой. Жена спрашивает: «Ты что так рано вернулся, твой же срок еще не прошел?» А псих ей отвечает: «Нас посадили на унитазы и спрашивают: “Рыба ловится?” Все сказали “да”, а я сказал “нет”. Вот меня и отпустили». Жена говорит: «А что ж ты так сделал?» — «Что я, дурак — места рыбные выдавать?»

/7/ Построили вокруг психушки забор, покрасили его в красный цвет. Психи его съели. Построили второй забор, покрасили в желтый цвет. Психи и его съели. Построили третий забор, покрасили его в зеленый цвет. Психи сели и не едят. Их директор спрашивает: «Чего вы не едите-то?» — «Ждем пока созреет».

/8/ Психи в психушке два года учились прыгать через забор. И вот наконец день побега. Но один псих прибегает и кричит: «Эй, парни, побег не удался, забор снесли!»

/9/ В больнице кишечных заболеваний слышится крик: «Медсестра, закрой форточку!» Оказалось, это кричит дистрофик: «Третий раз с горшка сдувает!»

/10/ Летят на самолете Ельцин, Билл Клинтон и Гельмут Коль. На встречу им летят три немецких истребителя. Гельмут Коль говорит: «Не беспокойтесь, это мои ребята, они шутят». Дальше летят над Америкой, летят три американских истребителя. Клинтон говорит: «Ребята, не беспокойтесь, это мои люди. Они шутят». Летят над Россией. Вдруг эскадрилья русских истребителей. Ельцин говорит: «А это мои ребята. Они шутить не любят.» Взял парашют и выпрыгнул.

/11/ Летят на самолете Клинтон и Ельцин. Летят над Америкой. Клинтон оторвал от себя ногу и сбросил. «Мне для своей страны ничего не жалко». Ельцин — летят над Россией — оторвал руку, сбросил. «Мне для своей страны ничего не жалко.» Приземлились. Потом встречаются через два года. Клинтон рассказывает: «Ну, мы когда приземлились, я увидел собаку, убил ее, а ногу себе пришил. Вот только теперь, как подхожу к деревьям, нога автоматически поднимается». Ельцин: «А я вот вышел из самолета, увидел вора, он хотел меня обокрасть. Я застрелил его, а руку себе приделал. Так иду в магазин с пятью рублями — возвращаюсь с пятьюдесятью».

/12/ Летят в самолете Ельцин, Клинтон и Саддам Хусейн. В самолете пол провалился. Летят они, держатся за поручни. Ельцин хотел с ними расправиться и говорит Клинтону: «Эй, Клинтон, у тебя шнурки развязались!» Клинтон завязывает шнурки и падает. Тогда Ельцин говорит: «Эй, Саддам Хусейн, у тебя коленка грязная!» Саддам Хусейн отряхивает коленку и тоже падает. А Ельцин потирает руки и говорит: «А здорово я с ними расправился!»

/13/ Говорит король: «Кто пройдет через робота и робот того не задушит, дам два мешка золота и крутой “мерседес”». Немец пошел: «Робот, робот, не души, пожалуйста». Робот взял задушил. Треск был только слышен. Поляк: «Робот, робот, не души, масла дам». Задушил его. Русский идет, повесил на себя бумажную табличку «ТТПП». Прошел через робота — робот его не тронул, только весь механизм дрожал. Король его спрашивает с испугом: «Как ты прошел?» — «Да я на себя табличку “ТТПП” повесил». — «А что это значит?» — «Только Тронь — Пизды Получишь».

/14/ Король приказал русскому, поляку и немцу свой любимый цветок показать. Поляк несет фиалку. Ну, король приказал ее в попу ему засунуть. Засунули. Немец больше всего любил розу. Ну, притащили розу, засунули в попу. Немец и плачет, и смеется. Король спрашивает: «Ты чего плачешь?» — «Больно». — «А чего смеешься?» — «Да вон русский кактус тащит».

/15/ Говорит царь: «Кто принесет с собой один из видов транспорта и его съест, то тот получит полцарства и его принцессу». Приходит немец, тащит велосипед. Тащит, тащит, притащил, начал его есть. Зубы себе расколочил, но велосипед съел. Сидит плачет. Потом идет поляк, тащит с собой КАМАЗ. Тащит, тащит, тащит, притащил. Начал его есть. Съел. Садится на пенек, плачет и смеется, плачет и смеется. Подходит к нему царь, спрашивает: «Эй, поляк, че ты плачешь, че смеешься?» — «Плачу — больно, а смеюсь — вон русский Т-150 тащит».

/16/ Русский, поляк и немец. Король говорит: «Кто построит унитаз для моей дочери и она там просидит час, тому я дам руку моей дочери и пол моего царства». Поляк: туалет из золота. Принцесса просидела две минуты и вышла. Немец: туалет из серебра. Принцесса просидела пять минут и вышла. Русский построил туалет из дерева. Принцесса сидит век, два. Уже наследник короля, который спрашивает: «Принцесса, принцесса, ты чего засиделась?» — «Дверь заклинило!»

/Вариант/:

Король сказал поляку, русскому и немцу: «Вот у меня принцесса такая непоседливая! Вот кто построит для нее туалет и сделает так, чтобы она там просидела не меньше одного часа, того я вознагражу и дам в жены принцессу». Поляк построил из изумрудов туалет, красивый-красивый. Принцесса просидела двадцать минут и ушла. Немец сделал туалет из бриллиантов с рубинами, из всех драгоценных камней. Принцесса просидела-просидела сорок минут и ушла. Русский сделал такой деревянный, совершенно некрепкий такой туалет и туда посадил принцессу. А внутри его обклеил газетами. Принцесса сидит год, два, три. Наконец-то король уже состарился [и говорит]: «Принцесса, я умираю, доченька. Все, давай выходи». Она говорит: «Щас, пап, последнюю газету дочитаю».

/17/ Идет заяц веселый-веселый, встречает волка. «Ты чего такой веселый?» — «А-а, я тут купил новый туалет, понимаешь». На следующий

день тоже веселый-веселый идет. «Че такой веселый?» — «А, я тут радио купил». На следующий день идет такой грустный-грустный, ободранный, грязный. Его спрашивают: «Ты чего такой ободранный?» Он плачет: «Сел я на унитаз, включаю радио, а там поют: “Встаньте, дети, встаньте в круг, встаньте в круг, встаньте в круг!” Я встал и провалился».

### Примечания

<sup>1</sup> То, что публикуется под рубрикой «детские анекдоты» (Детские... 1995; Анекдоты... 1995; От Чебурашки... 1995 и т. п.), — анекдоты взрослых, где персонажами выступают дети и герои детских анекдотов. Несколько исключений можно встретить в книге Э. Успенского, посвященной страшилкам (Успенский 1992).

<sup>2</sup> В данном случае нас не интересует природа смешного; смешное — это то, над чем смеются.

<sup>3</sup> Изначально, по-видимому, соотносившееся со словом «милицейский».

<sup>4</sup> Действие анекдота разворачивается в особом условном мире, условности которого выносятся за скобки собственно комической ситуации, которая возникает как нечто абсурдное, глупо-парадоксальное в рамках внутренней логики этого условного мира. Маленький слушатель может не справиться с условностью и с оценкой одновременно, а про запас у него всегда логика и оценки мира обычного.

<sup>5</sup> Как известно, когда поручику Ржевскому рассказали каламбур «Плывет клипер, на клипере — шкипер, у шкипера — триппер», он передал его господам офицерам в следующем виде: «По реке плывет баржа, а ней — все сифилисные».

<sup>6</sup> От этой же девочки записан еще один, на этот раз целиком импровизированный, текст в ситуации, когда подходила ее очередь рассказывать, а запас анекдотов был уже исчерпан. Тогда она сама попыталась сконструировать текст в жанре анекдота, используя готовые приемы и собственную фантазию, в чем позже и призналась. Полученный текст более чем анекдотоподобен и обладает не только связностью, но и цельностью, ориентированной на соль анекдота. Хотя девочка, начиная, не знала, чем кончит, она удачно вышла из положения, выдумав неожиданную концовку в духе жанра; тем не менее анекдот не был воспринят слушателями как смешной. Приводится дословная транскрипция:

*Поляк, русский и немец... ну, они пошли на корриду... и там, в общем, сражаются с быком. И поляк говорит: «Бык ко мне повернется попой, а я ему хрясь, и бык будет побежден». Бык к нему попой не повернулся, и поляк был побежден. Немец говорит то же самое... и тоже... тоже не смог победить. А русский выходит, говорит: «Ну, вы посмотрите, ну что я могу сделать с таким быком? Какой я несчастный!... Я же дурак... и драться-то с быком не умею...» А бык: «Буду я с такими сражаться!» — и поворачивается к нему попой.*

<sup>7</sup> Понимание соли анекдота либо есть, либо его нет — тут не может быть промежуточных вариантов, подобно тому как не может быть промежуточного видения картинок, используемых для иллюстрации в гештальтпсихологии, когда одна и та же картинка может видеться то так, то эдак, смотря по тому,

в какое целое складываются ее элементы. Это складывание не наступает постепенно, а происходит скачкообразно. Феномен жирафа, до которого дошло, — по сути то же самое: вроде бы все слова понятны и ситуация, описанная в анекдоте, ясна, но требуется некоторое усилие, чтобы ситуация была увидена тем самым смешным образом, который закодирован в соли анекдота, и чтобы произошло переключение картинки с «так» на «эдак».

<sup>8</sup>Ср., впрочем, обратное соотношение вариантов, когда одна и та же история различается оформлением соли анекдота (П16 и вариант).

<sup>9</sup>Многообразие типов анекдотов ставит здесь дополнительные проблемы. Относительно некоторых разрядов анекдотов нельзя не отметить параллели с волшебной сказкой и сказкой о животных, в том числе, например, сходство протагониста анекдота и трикстера.

<sup>10</sup>Одно из существенных отличий детского рассказывания анекдотов от взрослого в том, что взрослые рассказывают анекдоты по поводу и к месту — а взрослый анекдот, рассказанный к месту, соотносится с жизненной ситуацией подобно пословице, — тогда как у детей содержание анекдотов, по-видимому, не связано непосредственно с жизненной ситуацией.

<sup>11</sup>В целом такое утверждение было бы неверным, хотя нельзя не упомянуть подробной и проницательной работы З. Фрейда (Фрейд 1991). См. также работу А. Журинского (Журинский 1989).

<sup>12</sup>Первый момент отмечен Анри Бергсоном («У смеха нет более сильного врага, чем переживание») (Бергсон 1992: 12), второй обсуждается Н. Н. Евреиновым как разновидность театрализованного преобразования действительности нашим восприятием (см.: Евреинов 1917: 21).

<sup>13</sup>Применительно к волшебной сказке Бруно Беттельгейм формулировал это так: «...сказка, разумеется, не изображает окружающий мир, хотя она и может начинаться достаточно реалистично и в нее могут быть вплетены бытовые подробности. Нереалистическая природа сказок (против которой возражают узколобые рационалисты) есть прием большой важности, потому что он делает очевидным, что предмет сказки — не полезная информация о внешнем мире, а внутренние процессы, имеющие место в психике индивида» (Bettelheim 1977: 25).

<sup>14</sup>М. М. Бахтин говорит лишь о современных ругательствах как отрывках чужого языка, на котором когда-то можно было что-то сказать, но теперь можно только бессмысленно оскорбить (Бахтин 1990: 35). Содержание анекдотов, детских и взрослых, склоняет к мысли о том, что здесь сегодня живут и сами себя воспроизводят гротескные образы, подобные тем, что свойственны народной культуре средневековья, поэтому даже такое узкое употребление отрывков чужого языка, как оскорбление, кажется, не столь бессмысленно.

<sup>15</sup>В основном это телевизор. Так, сцена с чемоданом из «Крокодила Гены» («Давай, я понесу чемодан, а ты понесешь меня») уже давно живет в виде отдельного анекдота. Но более значительно сегодня влияние взрослых передач. Вот признание матери шестилетнего ребенка: «У нас в детском саду все они смотрят “Джентльмен-шоу”, а потом друг другу рассказывают, что они там слышали».

<sup>16</sup> Психолингвистические эксперименты по пересказу текстов показывают, что разному «когнитивному возрасту» соответствуют разные стратегии (и результаты), особенно в случае, когда исходный нарратив искажен (например, переставлены первый и последний абзацы, и т. п.). Взрослый справляется и с самыми трудными заданиями, восстанавливая логику, затемненную в искаженном тексте. А дошкольники не могут связно пересказать даже довольно простой и логичный текст (получается отрывочно, с пропусками и искажениями).

<sup>17</sup> В свете данных о весьма ограниченной способности детей, вплоть до младшего школьного возраста, адекватно воспринимать метафору (Шахнарович, Юрьева 1988: 108–118) интересно заметить, что ребенок активно порождает квазиметафорические высказывания в речи. В свое время на это обратил внимание Карл Бюлер, когда указывал, что в детском словотворчестве метафоры оказываются способом обозначить поразившее ребенка сходство. Бюлер приводит такие высказывания ребенка: «у супа насморк» (о супе, по поверхности которого плавает пузырь) и «бабочка вяжет чулок» (о бабочке, которая шевелит усами так же, как бабушка шевелит спицами, когда вяжет чулок). В обоих случаях это не придуманная, а подсотреннная метафора, где определенная деталь поражает ребенка своей похожестью на что-то другое, и иначе как при помощи такого необычного сочетания ребенку не выразить сходства, которое бросилось ему в глаза (Бюлер 1993: 318–319). При этом ребенок вовсе не старается удивить взрослых оригинальным высказыванием и, уж конечно, вовсе не принимает свои слова как фигуру речи, как намеренное отклонение от некоей нормы говорения — так их воспринимают взрослые. Подобным же образом некоторые детские высказывания могут трактоваться взрослыми и как остроумие.

### Литература

- Анекдоты... 1995: *Анекдоты* детские. М., 1995.
- Бахтин 1990: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бергсон 1992: *Бергсон А.* Смех. М., 1992.
- Бюлер 1993: *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
- Детские... 1995: *Детские анекдоты*. СПб., 1995.
- Евреинов 1917: *Евреинов Н. Н.* Театр для себя. Пг., 1917. Т. 3.
- Журинский 1989: *Журинский А.* Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М., 1989.
- От Чебурашки... 1995: *От Чебурашки* до Черепашки. М., 1995.
- Успенский 1992: *Успенский Э.* Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы: Жуткий детский фольклор. М., 1992.
- Фрейд 1991: *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 2.
- Чуковский 1983: *Чуковский К. И.* От двух до пяти. Минск, 1983.
- Шахнарович, Юрьева 1988: *Шахнарович А. М., Юрьева Н. М.* К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте. М., 1988
- Bettelheim 1977: *Bettelheim B.* The Uses of Enchantment. New York, 1977.